

УДК 001

Шаховский Виктор Иванович

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания,
Волгоградский социально-педагогический университет

polina7-7@yandex.ru

Волкова Полина Станиславовна

доктор философских наук, доктор искусствоведения,
кандидат филологических наук

polina7-7@yandex.ru

Victor I. Shakhovsky

Doctor of Philology, professor, professor of department of linguistics,
Volgograd social and pedagogical university,
honored worker of science of the Russian Federation

polina7-7@yandex.ru

Polina S. Volkova

Doctor of Philosophy, doctor of art criticism,
Candidate of Philology

polina7-7@yandex.ru

**«ПРАКТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ» П. БУРДЬЕ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹**

**“PRACTICAL MEANING” P. BURDIER IN CONTEXT
SOCIO- AND PSYCHOLINGUISTICS: ON THE PROBLEM STATEMENT**

Аннотация. В статье осуществляется проекция понятия «практический смысл» П. Бурдьё на область социо- и психолингвистики. Отталкиваясь от положения, согласно которому человек предстает на уровне индивидуальной информационной системы как автоматически запущенного природой целесообразного механизма по переработке и хранению информации, авторы доказывают следующее. Практический смысл являет собой реализацию обусловленной природной программой познавательной активности индивида, нацеленной на его максимальную адаптацию к окружающему миру. При этом язык опознается на уровне иницирующего акт говорения языкового рефлекса или иначе – мышечной активности, реализуемой посредством кодирования невербального опыта и манипулирования им через манипулирование вербальными элементами системы. Напротив, опыт смыслообразования, иницируемый рефлексией, позволяет рассматривать язык в качестве источника формирования

¹ Работа поддержана грантом Российского фонда фундаментальных исследований №19-011-00241/19.

сущностных сил человека, являя собой отличный от природного автоматизма процесс декодирования вербальных знаков и последующего их кодирования, а также наоборот, где собственно эмотивность является собой метод вхождения в смысловое пространство коммуникативной личности.

***Annotation.** The article carries out a projection of the concept of “practical meaning” by P. Bourdieu on the field of socio-and psycholinguistics. Based on the situation whereby a person appears at the level of an individual information system as an expedient mechanism by the nature of an expedient mechanism for processing and storing information, the authors prove the following. Practical meaning is the realization of an individual’s cognitive activity determined by the natural program, aimed at its maximum adaptation to the surrounding world. In this case, the language is identified at the level of the initiating act, speaking the language reflex or otherwise – muscular activity, transmitted by coding the wrong experience and manipulating it by manipulating the verbal elements of the system. On the contrary, the experience of semantic education, initiated by reflection, allows us to study all the problems arising from the natural development of man.*

Ключевые слова: *практический смысл, индивидуальная информационная система, познавательная активность, смыслообразование, мыслеречевая деятельность, эмотивность*

Key words: *practical sense, individual information system, cognitive activity, sense formation, thought-speaking activity, emotiveness*

То обстоятельство, что наше общество больно, сегодня мало у кого вызывает сомнение. Достаточно вспомнить о таких работах, в которых их авторы с очевидностью диагностируют современное состояние социума, заостряя внимание на спектаклярности (Ги Дебор), одномерности (Р. Музиль), симуляции и порождаемых ею симулякрах (Ж. Бодрийяр), шизореальности (В. Руднев), всепроникающей лжи (В. Шаховский) и т.п. Тем не менее, современное положение дел не только не улучшается, но все более обостряется раздирающими наш глобализирующийся мир противоречиями. При этом поиск универсального лекарства представляется столь затянувшимся, что, кажется, еще немного и болезненные процессы окажутся необратимыми.

Одна из «пилюль», некогда внушающая надежду на выздоровление – посвященное практическому смыслу монографическое исследование П. Бурдьё. Связывая поступки индивида с характером его социализации, французский социолог вводит в научный оборот понятие «практический смысл» – П. Бурдьё также называет его «практическим чувством» или «практической логикой». Поясняя специфику используемого им понятия, ученый пишет: «Практическое чувство – социальная необходимость, ставшая природой и преобразованная в моторные схемы и телесные автоматизмы – позволяет практикам, в том и через то, что остается в них неясным с точки зрения их производителей и в чем обнаруживают себя принципы

интерсубъективности их производства, быть *осмысленными*, а иначе говоря – наполненными здравым смыслом» [3, с. 135].

Современные исследования, осуществляемые в рамках философии языка, социо- и психолингвистики, в том числе искусствоведения позволяют внести в трактовку практического смысла одну существенную коррективу. Практический смысл есть не что иное, как обусловленная моторными схемами и телесным автоматизмом природная необходимость, закрепляемая и поддерживаемая социумом. Для аргументации представленной позиции уместно напомнить, что человек как сугубо биологическое существо есть целесообразный, автоматически запущенный природой механизм по переработке и хранению информации. Этот механизм или иначе – индивидуальная информационная система – призван обеспечивать биологическому существу максимальную адаптацию к окружающей среде. Наличие такого механизма у всех без исключения природных созданий, начиная с мельчайших микроорганизмов и заканчивая самыми крупными особями, позволяет говорить о сходной для человека и всего животного мира природной программе. Суть последней сводится к необходимости сохранить посредством отдельного носителя индивидуальной информационной системы как части какого-либо вида и/или рода популяцию в целом. Другими словами, индивидуальная информационная система предназначена для передачи из поколения в поколение опыта выживания, в том числе посредством «языка» как врожденной способности к коммуникации, обеспечивающей обмен информацией между самыми разными представителями флоры и фауны.

Думается, что становление индивидуальной информационной системы происходит на основе «неязыковых» элементов, которые и фактически и логически предшествуют возникновению элементов «языковых», призванных кодировать «неязыковой» опыт и манипулировать им через манипулирование знаками «языка». Применительно к человеку можно говорить о кодировании невербальных (иррациональных) элементов системы элементами вербальными (рациональными). Причем, как свидетельствует Р. Павиленис, невербальные элементы системы обладают интеллектуальным статусом [14], что обусловлено, на наш взгляд, следующим моментом. Поступающая на уровне совокупности ощущений внешняя информация трансформируется внутри системы в раздельность впечатлений, что упрощает процесс кодирования невербального опыта. При этом базовым принципом, обеспечивающим процесс кодирования невербальных элементов системы вербальными Р. Павиленис называет *принцип интерпретации* [14].

В целом, отмеченный процесс напрямую связан с иницируемой природой познавательной активностью живого организма, что дает основание рассматривать человека с позиции двуногого говорящего животного, решающего на протяжении всей своей жизни одну единственную задачу: сделать все для того, чтобы выжить вопреки всему. Именно в этом случае используемый индивидом вербальный знак являет собой мышечную реакцию организма на внешний раздражитель – своего рода языковой

рефлекс (думается, что именно такой рефлекс В. фон Гумбольдт определял, как «голое», т. е. абстрактное артикуляционное чувство [5]). Знаменательно, что, реализуя природную программу, говорящее животное с неизбежностью подчиняет все свои действия удовлетворению сугубо «шкурного» интереса. Несмотря на то, что сама «шкура» может охватывать самые разные общности – от собственного я, семьи, ближних и дальних родственников или же представителей отдельной корпорации до жителей конкретного государства, она с неизбежностью ставит границы между «мною» и «другими».

Подобное положение дел сводит язык к рефлексивному действию, которое может быть «облагорожено» в процессе обучения коммуникативным навыкам, что, однако, не меняет сути дела. Обладая риторической компетенцией, такой индивид по-прежнему остается во власти природы. Даже тогда, когда этот индивид может дать ответ на вопрос, в какое время жил Леонардо да Винчи или каким видом творчества занимался Дмитрий Шостакович, он не способен «выпрыгнуть» за накладываемые природой границы с той лишь оговоркой, что имеющиеся знания, безусловно, наделяют его некоторым преимуществом перед остальным, более примитивным большинством.

Имплицитный характер существования в социуме говорящих особей, чья жизнь предстает сплошной имитацией социальных отношений по причине того, что в действительности они служат исключительно природной программе, выступая в качестве ее – природы – функции, во многом инициирован отечественной и зарубежной коммуникологией, допускающей игнорирование имманентного различия смысла и значения, в том числе провозгласившей это различие малофункциональным в силу абсолютно неконтролируемой подвижности их (смысла и значения) границ [12, с. 63]. Знаменательно, что завидное согласие как отечественных, так и зарубежных ученых в этом вопросе снимает с повестки дня авторитетность высказанного Дж. Г. Мидом положения: «осознание или сознание не обязательны для присутствия значения в процессе социального бытия... Несмотря на то, что значение <слова> может стать осознанным среди людей, оно присутствует в социальном действии *прежде* появления сознания и осознания значения» [цит. по: 16, с. 251]. По-видимому, причина подобного положения дел кроется в глубоком детстве: обучаясь говорить и употребляя слова, служащие для выражения каких-либо эмоций, ребенок не способен действительно осознать, насколько используемое им слово отвечает его эмоциональному состоянию [15].

Возвращаясь к практическому смыслу П. Бурдьё, заметим, что с точки зрения индивидуальной информационной системы он являет собой не что иное, как оттачиваемую социумом, но инициируемую природой познавательную активность, в рамках которой человеческий мозг презентует себя исключительно как адаптирующий индивида к социуму «орган выживания» [9, с. 169]. Потому, в полном согласии с природной программой практическое чувство Бурдьё «отбирает» те или иные предметы и поступки, а стало быть, и те или иные их аспекты, в зависимости от «существа дела»,

по принципу имплицитно-практической существенности; выделяя те из них, которые нужны ему для какого-либо дела или которые определяют, что делать в данной ситуации, рассматривая в качестве эквивалентных разные предметы и ситуации, оно отделяет существенные свойства от несущественных» [3, с. 175].

Поскольку обусловленная природой познавательная способность индивида «работает» на сугубо природную программу – выжить вопреки всему, понятно, почему именно практическое чувство, «не заботясь ни о правилах, ни о принципах (кроме случаев срыва и неудачи), а уж тем более о расчетах и дедукциях, которые заведомо исключаются безотлагательностью поступка, «не терпящего никакой задержки», – как раз и позволяет человеку сразу, с первого взгляда и в горячке действия оценить смысл ситуации и немедленно осуществить подходящий ответ» [3, с. 205]. Более того, лишь тогда, когда вопрос о выживании становится особенно острым, мозг демонстрирует чудеса изобретательности.

Несколько заблуждаясь относительно сути происходящего, П. Бурдье со ссылкой на В. фон Гумбольдта пишет: «следует идти, согласно оппозиции, от *ergon* к *energeia*, от предметов или действий к принципам их произведения, а точнее, от конкретной аналогии или метафоры, свершившегося факта и мертвой буквы ($a/B : : c/d$), которые рассматривает объективистская герменевтика, к аналогической практике как *переносу схем*, который осуществляется габитусом на основе уже установленных эквивалентностей, облегчающих взаимозаменяемость разных реакций и позволяющих добиться своеобразного практического обобщения всех однотипных проблем, способных возникнуть в новых ситуациях» [3, с. 184].

Суть заблуждения сводится к тому, что осуществляемый практическим чувством «перенос схем» не имеет никакого отношения к отмеченным динамикой схемам мыследеятельности. Другими словами, если язык как деятельность есть не что иное, как осуществляемый изнутри сознания поступок, то практический смысл – это направленное во вне действие. Аналогом такого действия будет практическая сметка или же упоминаемый ранее Бурдье пресловутый «здравый смысл», т. е. рассудок, наличие которого позволяет индивиду извлекать моментальную выгоду из любой ситуации. Мгновенная реакция организма на внешний раздражитель обусловлена именно тем, что сами ответные реакции предстают «заранее *приспособленными* ко всем объективным условиям, тождественным или гомологичным прошлым условиям своего формирования...» (курсив наш. – В.Ш., П.В.) [3, с. 127].

Напротив, осознание недопустимости доминирования безличностного природного механизма над личностью требует от социального субъекта постоянного сопротивления стихийной мощи языка, опознаваемой на уровне террора рациональности (кода), а также непрерывного отстаивания права на свою речевую собственность в напряженной мыследеятельности. При этом ни что иное, как инициируемая природой познавательная активность служит

точкой отсчета для осуществляющего мыслеречевую деятельность субъекта, когда на смену языковому рефлексу приходит рефлексия.

Отталкиваясь от этимологии данного термина (от лат. *reflexio* – взгляд назад), нельзя не заметить, что, в целом, мыслеречевая деятельность является собой противостоящий механической, т. е. исключительно природной связи невербальных и вербальных элементов системы опыт смыслообразования, посредством которого обусловленная природой связь должна получить новое, сугубо человеческое оправдание. Поскольку собственно человеческое оказывается шире биологических потребностей индивида, замыкающихся на его природном организме, опыт смыслообразования обеспечивает социальному субъекту «прирост его сущностных сил», актуализируемый «через понимание смысла деятельности как процесса, значение которого выходит за рамки простого удовлетворения потребностей индивида» [2, с. 7]. Как пишет И.Д. Левин, «животные «думают» только о себе, а человеческое самопознание выводит человека «вне себя» [9, с. 167].

Для того, чтобы последнее оказалось возможным, речевому субъекту необходимо внести некоторые коррективы в заведенный природой порядок. Что это значит?

Принимая во внимание тот факт, что, согласно природной целесообразности, невербальные элементы системы кодируются ее вербальными элементами, собственно человеческая деятельность (мыследеятельность) невозможна до тех пор, пока не произойдет обнуление имеющегося опыта – своего рода осознанный отказ от паразитирования на природе. Соответственно прежде речевой субъект должен декодировать вербальный знак, возвращаясь к невербальным элементам системы. Значимость этой процедурной нормы обусловлена следующим моментом. Пользуясь готовыми речевыми формами, социальный субъект утрачивает осознание того, что собственно вербальность носит вторичный характер по отношению к невербальности. Ее непреходящая ценность для индивида заключается в том, что именно невербальные элементы системы делают возможным осознание подлинной связи человека с окружающим его невербальным миром природы, неотъемлемой частью которого он является. Подтверждение тому – экспериментальные данные, согласно которым сенсорный голод губителен для человеческого организма [13].

Однако в силу того, что автоматически осуществляемая в рамках индивидуальной информационной системы раздельность впечатлений противостоит целостности мира, которая «считывается» этой системой на уровне совокупности ощущений, система обречена нести на себе неустранимое внутри самой системы несоответствие внутреннего и внешнего, дискретного и континуального, вербального и невербального. По сути, не что иное, как отмеченное несоответствие и создает непроходимую для двуного говорящего животного границу между «я» и «другие». Снятие имманентного для природного механизма, каким предстает индивидуальная информационная система, несоответствия – задача сугубо человеческая. Ее решение коррелирует с культурой как опытом возделывания своей природы

или, что то же – непрерывным совершенствованием природного, т. е. безличностного начала в человеке. Подобный опыт выступает аналогом личностного роста.

Возвращаясь к декодированию вербального знака, с которого и начинается собственно человеческая мыслеречевая деятельность, подчеркнем: осуществляя опыт рефлексии, мыслеречевой субъект воздействует на природный механизм таким образом, что изначальная раздельность впечатлений преобразовывается в феномен синестезии, реализуемый на уровне диалога модальностей. Так декодирование вербального знака запускает процесс актуализации прежде лишь потенциально возможной связи, которая определяется взаимодействием невербальных элементов системы, коррелирующих с пятью органами чувств. В частности, пробуждаемая посредством декодирования связь между визуальным и аудиальным каналами восприятия, находит свое воплощение в так называемой синопии – цветном слухе, когда, например, композитор соотносит какой-либо лад с конкретным цветом (Р. Вагнер, Н.А. Римский-Корсаков, А.Н. Скрябин, М. К. Чюрленис) аналогично тому, как поэт видит цвет гласной (А. Рембо) или же согласной буквы (В. Хлебников).

Осуществив декодирование вербального знака, мыслеречевой субъект оказывается поставленным перед необходимостью кодировать невербальный опыт. В данном случае базовым принципом, обеспечивающим процесс декодирования вербальных элементов системы и их последующего кодирования будет *принцип реинтерпретации* [4]. Специально заметим, что латинская приставка *re* (*re*), двойственный характер которой опознается в том, что она одновременно обозначает как возврат (повторение), так и отказ (переосмысление), заостряет внимание на следующем моменте. Обнуление ситуации, в рамках которой природная активность доминирует над сугубо человеческой деятельностью приводит к тому, что механически формируемая системой раздельность впечатлений трансформируется во взаимодействие слуха, зрения, осязания, обоняния и вкуса, что демонстрирует качественно новый уровень связи не только вербальных и невербальных элементов внутри самой системы, но и за ее пределами.

Основополагающим для нас в данном контексте оказывается тот факт, что диалог как опыт согласования обусловленных релевантной несовместимостью элементов системы противоречий есть приведение этих элементов к состоянию мерной напряженности, т. е. такому закону, посредством которого происходит поддержание природного равновесия [6]. То обстоятельство, что в традиционных обществах (о которых упоминает в своем монографическом исследовании П. Бурдьё) соблюдение этого закона определяет в целом жизнедеятельность определенной социальной группы мы менее всего связываем с мыслеречевой деятельностью каждого члена такого сообщества. Думается, что в данном случае налицо ситуация, когда характерное для традиционного общества родовое сознание оказывается несовместимым с индивидуальным сознанием современного человека, для которого грамматика языка оказывается полностью оторвана от логики

родового действия. Речь идет о том, что изначально «эффективный способ деятельности», распространяющийся на большие социальные группы и утрачивающий свою сакральность в силу многократной трансляции из поколения в поколение приобретает статус «общепринятого пути к удовлетворению потребности», что влечет за собой подмену смысла традицией [2, с. 7].

Соответственно, если практический смысл в действительности является собой ярчайшее доказательство того, что человек – это *бытие в функционировании* [7, с. 14], то подлинный, «отражающий существование взаимной связи между законами развития» смысл [2, с. 4] (в нашем случае – законом развития индивидуальной информационной системы и законом природы), есть *бытие в деятельности* [7, с. 14]. При этом если индивид оказывается во власти природной программы, он с неизбежностью опускается ниже любого животного. Достаточно сказать, что, будучи наделенными даром слова, иницирующим потенциальную способность договариваться с себе подобными, люди прибегают к умножающей их силы технике, чтобы без лишних слов устранять противника. В итоге предназначенный для согласования противоречий диалог как форма взаимодействия человека с человеком проигрывает перед такими приспособлениями, как компенсирующие отсутствие у человека когтей, бивней, копыт или клыков ножи (мечи, копья, шпаги), кастеты (пушки, ядерные бомбы) и т.п., что делает возможными массовые убийства, которые природный мир не знает.

С другой стороны, установка на возделывание индивидом своей собственной природы, в процессе которого познавательная активность уравнивается смыслообразованием, а иницируемый мышечным рефлексом акт говорения – речемыслительной деятельностью делает человека больше самого себя, способствуя преодолению природных оков. Дело в том, что осознание связи всего со всем обуславливает социальному субъекту единство как с миром людей, так и с миром природы в его сопричастности обоим мирам, что и задает иной масштаб личности. Как пишет Б.Г. Кузнецов, «смысл локального объекта или процесса – в его приобщении к бесконечности» [8, с. 160-161].

С этой точки зрения, принципиальное несовпадение человеческой мыслеречевой деятельности от обусловленной природой познавательной активности как перевода невербального в вербальное и обратно заключается в следующем:

- декодируя вербальные элементы индивидуальной информационной системы и кодируя ее невербальные элементы человек *субъективизирует* объективно накапливаемую природным механизмом информацию, которая никоим образом не связана с биологическими потребностями организма, что, как правило, делает ее одинаково полезной для всех и вся;
- осуществляя декодирование и кодирование вербальных и невербальных элементов системы, субъект речи *объективирует* свой субъективный опыт, несколько отстраняясь от самого себя.

По сути, способность отвлечься от своей персоны, отдалиться от себя самого оборачивается способностью приблизиться ко всем, кто не я. Складывается ситуация, о которой М.М. Бахтин писал так: «Я-единственный из себя исхожу, а всех других нахожу – в этом онтологически-событийная разнозначность» [1, с. 66]. Суть онтологически-событийной разнозначности заключается, на наш взгляд, в том, что если следование природной программе стирает человеческую индивидуальность, растворяя потенциальную личность в безличностном механизме, посредством которого все подпадающие под власть своих природных инстинктов люди превращаются в безликую массу, то осознанное, а потому самостоятельное движение навстречу ко всему, что не я – в действительности есть движение на встречу с собственной личностью. Состоятельность искомой встречи – знак подлинности человеческого существования. Речь в данном случае идет о том, что обретение связи между личностью и окружающим ее миром, частью которого она является и который включает в себя наряду с одним я и все другие я с неизбежностью накладывает на всех определенные обязательства по отношению друг к другу.

В силу того, что осознание этих обязательств определяется не столько внешними факторами, сколько внутренними, становится очевидным, что в противоположность познавательной активности, которая «работает» на то, чтобы индивиду было хорошо, опыт смыслообразования способствует тому, чтобы человек становился лучше, все меньше и меньше ощущая свою зависимость от природной программы. Примечательно, что встреча с самим собой есть не что иное, как процесс идентификации, т. е. обретение своей индивидуальности в ее неповторимости и уникальности, для воплощения которой, думается, и дается нам жизнь.

Помимо этого, основанное на рефлексии кодирование невербальных элементов системы исключает возможность трагической инверсии низа и верха, посредством которой вербальность занимает главенствующее положение по отношению к невербальности, что влечет за собой не только утрату целостной картины мира, делая недостижимым выход за налагаемые природой границы. Обусловленная природой, но актуализируемая вне мыслеречевой деятельности способность говорить становится источником самообмана для того, кто, оставаясь по сути говорящим животным, считает себя человеком.

Катастрофичность такого самообмана опознается в ложной установке сознания, нацеленной на ложные ценности, для достижения которых прибегают к лживой коммуникации, чтобы оказаться впереди тех, кто также одержим желанием обладать этими ложными ценностями. В итоге то, что кажется важным и нужным с точки зрения природной программы в действительности оборачивается для человека тотальной бессмыслицей, страх перед которой порождает необходимые для ее маскировки симулякры. Именно в этом случае возникают проблемы экологии, экономики, политики, сельского хозяйства и всей государственной системы в целом, за масштабностью которых мало кто видит столь незначительный на первый

взгляд сбой в индивидуальной информационной системе. Однако ни что иное, как этот изначальный системный сбой, когда человек, чьи возможности далеко выходят за рамки накладываемых природой границ живет, добровольно оставаясь рабом безличностной природы, и служит тем пусковым механизмом, который может однажды привести к вселенской катастрофе: «крепость цепи определяется крепостью самого слабого звена ее» [10, с. 109].

Отдавая себе отчет в том, что общим для процессов познания и смыслообразования является ценностная установка сознания – в одном случае, желание, чтобы мне было хорошо, в другом, – чтобы я стал лучше, наиболее эффективный метод, обеспечивающий формирование потребности в искомой деятельности, мы связываем с эмотивностью. Понятие, введенное в научный оборот в рамках волгоградской школы эмотивности [17], определяет трансформацию эмоциональности как психологического феномена в эмотивность как феномен языковой. Если присутствующие в языке актуальные эмотивы вовлечены в процесс познания, то процесс смыслообразования инициируется исключительно виртуальными эмотивами.

Ничто другое, как эмотивный потенциал слова обеспечивает уход от «равнодушных значений» к «значению для меня», которое в концепции А.Н. Леонтьева выступает синонимом личностного смысла [11]. Таким образом, методологический потенциал эмотивности, которая инициирует мыслеречевую деятельность языкового субъекта, направляя и корректируя его речевое поведение, напрямую связан с актуализацией смыслообразующей деятельности сознания. Поскольку именно смыслообразующая деятельность сознания выступает неотъемлемой составляющей подлинной личности, эмотивность оказывается одинаково значимой для самых разных типов коммуникации, в том числе коммуникации художественной. Потому весьма перспективными видятся научные разработки, в рамках которых проекция категории эмотивности в пространство художественной литературы, музыки, изобразительного творчества, а также таких синтетических видов искусства, как балет, опера, театр, кинематограф и др. будет способствовать выявлению опорных точек, обеспечивающих духовное становление актора.

Имеется в виду обусловленное эмотивностью снятие ложной установки сознания, сдерживающей процесс превращения «говорящего животного», действующего посредством слова исключительно в своих эгоистических интересах, в осуществляющего речевой поступок коммуниканта, чья мыследеятельность определяется «внутренней социальностью» (В. Махов). Последняя есть не что иное, как нравственное самосознание личности, выступающее в качестве источника формирования общественных качеств речевого субъекта. Обеспечивая единство *emotio* и *ratio* как единство внутреннего и внешнего, невербального и вербального, континуального и дискретного, эмотивность обретает статус универсального метода организации коммуникативно-языковых процессов, пробуждая в человеке собственно человеческое, т.е. способность реализовать себя на уровне

полноправно владеющей своей речевой собственностью целостной эмоционально-коммуникативной личности [18].

Подытоживая вышеизложенное, заметим, что поскольку практический смысл П. Бурдые выступает порождением природного механизма, в рамках которого безличностная программа доминирует над собственно человеческой деятельностью (мыслеречевой деятельностью), реализующие практический смысл индивиды представляют собой наиболее благоприятное для манипулирования социальное большинство, легко поддающееся управлению посредством кнута и пряника. В то же время, долгое время находящаяся под прессингом социальная природа однажды может проявить свою мощь, круша и ломая обусловленные социумом границы. Зная и помня об этом, необходимо отчетливо осознавать, что в центре каких бы то ни было экологических проблем проблема экологии человека должна рассматриваться в качестве фундаментальной проблемы XXI в.

Литература

1. Бахтин М. К философии поступка // М.М. Бахтин. Работы 1920-х годов. – Киев: «NexT», 1994. – С. 11-68.
2. Брудный А.А. К методологии смыслового анализа // Экспериментальный анализ смысла: сб. нач. ст. – Фрунзе: КГУ, 1987. – С. 3-9.
3. Бурдые П. Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001 г. – 562 с.
4. Волкова П.С. Язык и речь в пространстве культуры: интерпретация и реинтерпретация. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2017. – Т. 16. № 4. С. 207-214. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.20>
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М. Прогресс, 1984. – 400 с.
6. Кайдаков С.В. Человек в зеркале античной философии. – М., 2002. – 109 с.
7. Кайдаков С.В. Теологическая основа философии Лейбница //История философии. Вып. 3. – М.: ИФ РАН, 1998. – С. 3-15.
8. Кузнецов Б.Г. Путешествие через эпохи. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 190 с.
9. Левин И.Д. Сочинения: В 2-х т. Т. I. – М.: Радикс, 1994. – 558 с.
10. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55-ти т. Т. 45. М.: Госполитиздат, 1958-1965. – 729 с.
11. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х тт. М.: Педагогика, 1983. 320 с.
12. Межличностная коммуникация: теория и жизнь /О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Н.в. Казаринова и др. – СПб.: Речь, 2011. – 560 с.
13. Ойзерман Т.И. Сенсуалистическая гносеология и действительный научно-исследовательский поиск // Вопросы философии. 1994. – № 6. – С. 52-62.
14. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
15. Палкин А.Д. Лексико-морфологические средства выражения эмоций в онтогенезе речевой деятельности: автореф. ...дис. канд. филолог. н.: 10.02.19

- Теория языка – М., 2002. – 24 с. [Электронный ресурс]. URL: dissercat.com>...morfologicheskie...v... (дата обращения 27.09.2018)
16. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
17. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
18. Шаховский В.И., Волкова П.С. Эмотивность как метод вхождения в пространство межличностной коммуникации // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2019. – С.132-138.